

Михаил Салтыков-Щедрин

**Материалы для
характеристики современной
русской литературы**

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Материалы для характеристики современной русской литературы

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132665*

Аннотация

В томе I журнала «Современное обозрение» (1868, февраль) было опубликовано «Письмо гг. Ю. Жуковского и А. Пыпина», в котором авторы, в сущности, отмежевывались от «Отечественных записок», заявляя, что их письмо «имеет еще в виду предупреждение различных слухов касательно их отношений к другим журналам». В марте того же года появилась их брошюра-памфлет «Материалы для характеристики современной русской литературы...», полная пасквильных выпадов против Некрасова, Елисеева, Слепцова. Салтыков прямо в ней не назывался, но весьма прозрачные намеки на него встречались в брошюре многократно. Статья Салтыкова – вынужденное объяснение редакции «Отечественных записок» с авторами «Материалов», отпор инсинуациям Антоновича и Жуковского.

Содержание

Примечания
Комментарии

25

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Материалы для характеристики современной русской литературы

*I. Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым.
М. А. Антоновича.*

*II. Post-scriptum – Содержание и программа
«Отечественных записок» за прошлый год. Ю. Г.
Жуковского. СПб. 1869*

После довольно продолжительного молчания^[1] гг. Антонович и Жуковский вновь вступили на поприще русской публицистики и, как всегда водится в подобных торжественных случаях, ознаменовали свое вступление особого рода подвигом. Не надо думать, однако ж, чтоб этот подвиг заключал в себе что-либо необычайное или чтобы он был совершен в интересах добра и истины; нет, это просто горькое воспоминание о некоторых личных неудачах и разочарованиях,^[2] соединенное с невинным поползновением выместить эти неудачи и разочарования даже не на тех, кто был глав-

ною и действительною их причиной^[3] (до тех-то, в ком собственно и заключается источник всевозможных литературных неудач, пожалуй, рукой не достанешь), а на тех, кто находится ближе под руками. Предпринятый, с таким расчетом, подвиг имеет вид довольно сердитый и в то же время обходится чрезвычайно дешево.

Главным поводом для совершения этого сердито-дешевого подвига послужили гг. Некрасов и Елисеев. Способность, которою обладают эти два писателя, очаровывать стоящих близко к ним людей, так велика, что равняется лишь способности очаровываться, которою одержимы гг. Антонович и Жуковский. Первый из них целых три года, последний в продолжение пяти месяцев^[4] находились в самых близких сношениях с названными писателями, и в течение всего этого времени ни тот, ни другой не догадывались, что Некрасов и Елисеев не что иное, как боа-констрикторы,^[5] под отуманивающими взглядами которых они совершенно задаром разыгрывали роли очарованных кроликов. Эта недогадливость, сама по себе очень замечательная, приобретает под пером наших дебютантов характер настолько трогательный, что читателю действительно остается только сказать: ну да, это кролики! Это подлинные, несомненные кролики! Стоило г. Некрасову произнести «страстную речь», чтобы в сердцах их мгновенно прозяб и расцвел целый цветник; стоило кому-то сказать во «Внутреннем обозрении» «Современника» несколько искренних слов *о литературных и не литера-*

турных звонарях,^[6] чтобы в умах их поселилось убеждение, что сей некто ни под каким видом, помимо них, Антоновича и Жуковского, не войдет ни в какое литературное дело. Одним словом, очарование было почти паническое и до такой степени полное, что потребовалось не меньше трех лет разлуки, чтобы кролики вышли из оцепенения. Но здесь невольно возникает вопрос: а что, если вновь как-нибудь опять случай сведет Некрасова и Елисеева с названными выше добровольными кроликами? Например, на улице или в обществе? Оцепенеют ли они вновь или не оцепенеют?

Как ни интересна, однако ж, история этих оригинальных отношений гг. Антоновича и Жуковского к гг. Некрасову и Елисееву, мы не имеем ни надобности, ни повода заниматься ею в той мере, как она того заслуживает. Думаем, что гг. Некрасов и Елисеев, ежели пожелают, сами сумеют очистить себя от взводимых на них обвинений в констрикторстве, вероломстве и других не менее важных преступлениях. Но так как гг. Антонович и Жуковский по поводу своих личных неудач и разочарований заблагорассудили мимоходом бросить грязью в весь вообще нынешний состав редакции и сотрудников «Отечественных записок», то мы считаем нелишним рассмотреть те упреки, которые делаются нашему журналу, независимо от гг. Некрасова и Елисеева.

Упреки эти главным образом формулируются так:

I. По Антоновичу, нынешние редакторы и сотрудники «Отеч. записок» – не литераторы и даже не люди, а просто

«разная шушера и шелуха из «Современника» (стр. 54). По Жуковскому, в настоящее время Некрасова, как редактора «Отеч. записок», окружают люди «гроша не стоящие» (стр. 117), то есть совсем не то, как было, например, в «Современнике», когда Некрасова подпирали два таких столба, как Антонович и Жуковский, за которых, конечно, грош дать можно.

Нельзя не сознаться, что такие определения, как «шушера» и «шелуха», весьма сильны; но презренная энергичность этих выражений не должна изумлять читателя, если он припомнит, что они принадлежат перу того самого г. Антоновича, который, в 1865 году, отправным пунктом полемики между «Современником» и «Русским словом» поставил то положение, что г. Благосветлов имеет обыкновение спать в лакейских на барских шубах.^[7] Тем не менее в настоящем случае этот свойственный г. Антоновичу полемический прием замечателен тем, что обращен к лицам, с которыми полемист был несколько лет сряду сотрудником по журнальному делу и которых он, в то время, не признавал или, по крайней мере, не смел признавать ни «шушерой», ни «шелухой». Конечно, в виду откровенных признаний о многолетнем цепенящем действии Некрасова и Елисеева, недогадливость гг. Антоновича и Жуковского и способность их подчиняться всякого рода «очарованиям» не могут подлежать никакому сомнению, но все-таки трудно допустить, чтобы и кролик мог быть до такой степени кроликом, чтобы не избег-

нать чарующего влияния даже таких лиц, которые, в сущности, не стоят другого названия, кроме «шушера» и «шелуха». Мы знаем, что гг. Антонович и Жуковский, со свойственною им ругательною находчивостью, возразят нам: мы, дескать, и тогда точно так же смотрели на нынешних сотрудников «Отеч. записок», как смотрим теперь, но по обстоятельствам и т. д. Но это будет не возражение, а неловкий изворот. Такого рода оправдание еще может быть принято, с грехом пополам, от какого-нибудь лжелиберала, увлекающегося перспективою материальных благ, но всем известно, что гг. Антонович и Жуковский суть не только подлинные либералы, но и столбы, страдающие излишнею способностью очаровываться. Зачем они работали заодно с «шушерой»? зачем они терпели ее присутствие в том святилище, в котором они воздевали руки, преклонялись, благоговели и произносили возгласы? Ведь с «шушерой», «шелухой», с людьми, которые «не стоят ни гроша», ни одной минуты и ни по каким обстоятельствам не могут оставаться такие люди, коим цена грош? И вот, однако ж, эти грошовые люди идут вместе несколько лет сряду и ни одним словом, ни одним жестом не показывают, что их блазнит оттого, что товарищи их по журнальной деятельности на одну сотую копейки против них дешевле... Скажите, читатель, не загадочное ли это дело? и не доказывает ли оно, что даже легкомысленной недогадливости и способности очаровываться должны быть известные пределы, за которыми эти сами по себе невинные качества де-

лаются уже просто непозволительными? Нам скажут, может быть, что характер распри с Некрасовым сам по себе так важен, что делает неизбежным бросанье грязью даже в тех, кто хотя и не прикосновенен к этой распре непосредственно, тем не менее имеет какое-нибудь дело с этим отягченным преступлениями лицом; но, к сожалению, мы и это возражение не можем принять за основательное. Во-первых, мы положительно не видим в названной распре никаких признаков серьезности и замечаем в ней только следствие некоторых неудавшихся денежных расчетов; во-вторых, только истинно ребяческое тщеславие может ставить вопрос так: Некрасов, бывший многолетним моим другом, с нынешнего дня, вследствие личного моего усмотрения, сделался моим врагом, а следовательно, всякий, кто с ним встречается, сидит в одной комнате, работает в одном журнале и т. д., становится *ipso facto*¹ моим врагом и заслуживает от меня наименования «шушеры», «шелухи» и человека «гроша не стоящего».

В самом деле, представьте себе, читатель, что вы русский литератор,^[8] что вы занимаетесь литературной профессией, во-первых, потому, что она всего более отвечает вашим склонностям; во-вторых, потому, что вы, по мере ваших сил, надеетесь принести пользу общественному самосознанию; в-третьих, наконец, потому, что литература доставляет вам известное материальное обеспечение. Может быть, вы ведете ваше дело слабо, может быть, вы заблуждаетесь насчет сум-

---

¹ в силу самого факта

мы и качества приносимой вами пользы – это вопрос другой, – но, во всяком случае, и усилия ваши, и даже заблуждения (если справедливо, что тут есть заблуждения) вполне добросовестны. И вдруг невесть откуда набегают какие-то люди, очевидно находящиеся в состоянии невменяемости, которые из-за того, что не получили у Некрасова хороших кондиций и снедаемые бессильной яростью на бывшего хозяина, мимоходом бросают и в вас «шушерой», «шелухой» и наименованием людей «гроша не стоящих». Скажите, не глубочайшее ли это несчастье вдруг, нечаянно, без всякого повода получить подобное укушение? Где, в каком другом общественном положении, можно встретить подобное явление? Сколько лет и в каком протухлом уединенном месте должны были прожить эти пользующиеся правом невменяемости кусатели, чтобы воспитать в себе столь чудовищную неразборчивость в обращении с словом?

И кто бросает в нас эту презренную бранью? Кто те «Платоны» и «славные разумом Невтоны»,^[9] которые осмеливаются смотреть на нас с высоты величия! Это, с одной стороны, г. Антонович; это, с другой стороны, г. Жуковский... Памятны ли кому-нибудь сии знаменитые незнакомцы? Какие их права думать и заявлять печатно, что ни один порядочный журнал не может существовать без их содействия, что одних их имен достаточно, чтобы привлечь к журналу целую уйму «шатающихся» подписчиков?

Нет спора, что гг. Антонович и Жуковский были далеко не

бесполезными членами редакции «Современника»; нет спора, что даже и теперь, в виду брошенной ими в нас «шушеры» и «шелухи», мы никак не позволим себе назвать их прохвостных дел мастерами, выдающими себя за ювелиров; но ведь ампула «полезностей», которое они занимали и занимают до сих пор в нашей литературе, настолько скромно, что никаких особенных прав не дает, а тем менее права смотреть на род человеческий с горделивым презрением. Чем же можно объяснить себе такое изумительное явление? Как растолковать, что два полезных незнакомца вдруг возмнили себя центром вселенной и вследствие того объявляют, что всякий, кто случайно или не случайно не находится с ними, есть шушера, шелуха и человек не стоящий гроша?

Ответ на эти вопросы может дать нам только следующее изречение Екатерины II, сказанное ею хотя и по обстоятельству совершенно другого рода, но весьма подходящему к настоящему случаю, а именно: «Сии люди сложения унылого и все видят (кроме себя, прибавим мы) в темно-черном виде; имеют воображения довольно, и любят распространять гипохондрические и уныльные мысли».

Да, это именно не более как «унылого сложения люди»; это явления, пропущенные психиатрией. Читатель с трудом свыкается с мыслью, чтобы могли существовать такие субъекты, которые, при полном обладании умственными способностями, позволили бы себе наскоки на людей, относящихся к ним, по малой мере, индифферентно. Мы думаем

даже, что для того, чтобы совершить такой подвиг, необходимо предварительно устроить свою жизнь на таких основаниях, которые не имеют ничего общего с самыми простыми условиями человеческого общежития.

II. Второй упрек, делаемый «Отеч. запискам», составляет имя г. Краевского, ежемесячно появляющееся на обертке журнала. На это мы можем отвечать категорически. Г-н Краевский ответственный редактор, а потому и имя его печатается на журнале. Но из этого вовсе не следует, чтоб г. Краевский присвоивал себе право на стеснения, которые, по предположению гг. Антоновича и Жуковского, должны испытывать от него лица, занимающиеся ныне редакциею «Отеч. записок» и сотрудничающие в них. В действительности единственное ограничение, которое могут иметь и действительно имеют в виду наши сотрудники, – это закон 6 апреля 1865 года.^[10]

Но при этом г. Антонович, чтобы тверже установить предположение о солидарности между г. Краевским и нынешней редакциею «Отечественных записок», предлагает вопрос: пользуется ли г. Краевский благами от издания журнала? На это отвечаем: да, вероятно, пользуется, но это нисколько не может стеснять (по крайней мере, нравственно) ни редакцию, ни сотрудников «Отечественных записок», а может стеснять разве одного г. Антоновича, добровольно принявшего на себя роль контролера над благоприобретениями, делаемыми гг. Краевским и Некрасовым. «Шушера», «шелу-

ха» и «люди не стоящие гроша», которых мы исключительно и имеем в виду защитить здесь от наездов людей, коим цена грош, наверное не хуже этих последних понимают, как важно разрешение вопроса о распределении благ, доставляемых журнальным делом (об этом зри ниже), но так как это разрешение, по-видимому, зависит не от них (и даже не от гг. Антоновича и Жуковского), то с их стороны уже и то имеет немаловажное значение, что они не считают этого вопроса солидарным с их нравственным отношением к журналу и не подчиняют последнего первому.

Очевидно, стало быть, что все предположения г. Антоновича о нравственной зависимости «Отечественных записок» от г. Краевского и о солидарности этого журнала с «Голосом» суть предположения или праздные, или преднамеренно ядовитые. Мы склонны даже думать, что в них скорее участвует преднамеренность, нежели простое легкомыслие. Мы убеждены, что для составителей разбираемого памфлета (а тем более для г. Жуковского, который, как видно из его признаний, имел даже переговоры об участии в нашем журнале^[111]) вопрос этот настолько же ясен, как и для нас самих, но для чего-то им необходимо затемнить его. Не для того ли, чтобы возбудить для журнала какие-нибудь затруднения со стороны цензурных формальностей? Очень может быть; но в таком случае, зачем же вы, г. Антонович, обвиняете, и притом голословно (стр. 12), г. Некрасова в том, «будто бы он пробовал средство заставить вас замолчать или не пустить в

литературу»?^[12] Сами-то вы что другое делаете (и притом совершенно сознательно), как не то самое, в чем вы гадательно обвиняете других?

III. Третий упрек – недостаток и даже отсутствие либерализма. По мнению гг. Антоновича и Жуковского, либерализм, предъявляемый нынешними «Отеч. записками», есть лжелиберализм и ничего не стоит сравнительно с тем либерализмом, которого единственными сосудами были (да сплыли) они, гг. Антонович и Жуковский. Г-н Антонович, впрочем, соглашается, что бывают обстоятельства, когда даже и такие патентованные вместилища либерализма, как, например, он и г. Жуковский, не могут либеральничать столько, сколько бог на душу положит, но все-таки, по мнению его, это дело поправимое. Против подобных неблагоприятных обстоятельств, говорит он, существуют известные «маневры», к которым издревле прибегала русская либеральная литература. Первый из этих «маневров» заключается в том,^[13] чтоб выбрать какой-нибудь нелиберальный сосуд, например, «московскую пару» – Каткова и Леонтьева (в pendant ² к которым теперь устроилась петербургская пара: Антонович и Жуковский), или Краевского, или Некрасова, и начать их обстреливать (то есть вот так, как в настоящем случае: назвать «шелухой», «шушерой» и т. д.).

Второй маневр, предлагаемый тем же глубокомысленным публицистом, состоит в том, что в тех случаях, когда «ли-

---

² под стать

беральной литературе неудобно давать прямые и верные ответы на известный вопрос, то следует ограничиваться опровержением неверных ответов».

При всем нашем уважении к журнально-стратегическим способностям автора знаменитых полемических статей, от которых, впрочем, довольно благополучно отделялся г. Благодетель, мы не можем признать за предлагаемыми им маневрами ни особенной премудрости, ни целесообразности. Подобно страусу, г. Антонович думает, что, спрятавши голову под крыло, он сделает невидимым все свое тело. Но это не так. Не надо забывать, что предлагаемые маневры (и, между прочим, от частого и неловкого употребления их г. Антоновичем) сделались до того общеизвестными, что даже и обмануть никого не могут. К сожалению, и до сих пор необходимость заставляет иногда даже «шелуху» и «шушеру» прибегать к указываемым средствам, то есть не прямо относиться к вопросам, а маневрировать по поводу их; но, независимо от того, что такой способ литературной пропаганды сам по себе до крайности противен для тех, которые вынуждены прибегать к тому, мы можем, с полным знанием дела, сообщить г. Антоновичу, что люди, препоставленные для наблюдения за «маневрами», сделались не в пример прозорливее, нежели в те счастливые времена, когда маневрировали гг. Антонович и Жуковский. Отсюда – почти постоянные неудачи «маневров»; отсюда же указание опыта прибегать к ним, по крайней мере, настолько редко, чтобы жур-

нал не казался наполненным одними «маневрами». Конечно, есть один «маневр», для которого всегда и безвозбранно все двери настезь отверсты – это есть друг друга и самих себя, но так как это специальность гг. Антоновича и Жуковского, то мы и оставляем ее за ними.

В противоположность г. Антоновичу, г. Жуковский самого дурного мнения о либеральных маневрах. По мнению его, преступления «Отеч. записок» именно в том и заключаются, что они прибегают к «фразеологии» и «либеральным загвоздкам» (а в чем же, по вашему мнению, состоит сущность как бывших, так и настоящих маневров г. Антоновича?), в то время когда «одновременно решается вопрос о торговле государства и его промышленности, свирепствует неурожай и голод в нескольких губерниях, решается вопрос о повинностях и проводится целая сеть железных путей». При этом г. Жуковский с полной развязностью утверждает, что разъяснение всех этих вопросов не только полезно, но и вполне доступно для либеральной литературы, ибо не может даже повести разъяснителей за пределы тех легальных границ, которые предоставлены русской литературе.

Мы сами очень хорошо сознаем слабые стороны нашего журнала и даже соглашаемся, что в нем чувствуется недостаток именно в статьях, имеющих интерес непосредственный и практический. Но нас поистине изумляет, что упрек подобного рода приходит к нам от г. Жуковского и что он, а не всякий другой, является поборником «элементарного пред-

ставления» разного рода сведений, которое он рекомендует нам, как наилучший в настоящее время способ литературной пропаганды. В этом случае г. Антонович кажется нам более последовательным и верным своему прошлому: он как был при маневрах, так и остался при них; а г. Жуковский вдруг из упорных маневристов делается поборником «элементарных изложений»!..^[14] Что это такое? действительное ли обращение? или просто недобросовестный полемический прием? Мы, конечно, скорее думаем, что это не более как неловкий полемический прием, употребленный с тем, чтобы укорить «Отеч. записки», с одной стороны, в отсутствии характерных статей, а с другой стороны, в недостатке статей бесхарактерных, то есть таких именно, какими должны быть и всегда бывают «элементарные изложения». Очевидно, что знаменитая «петербургская пара» еще так недавно спарилась, что даже не успела прийти к согласию даже насчет такого важного вопроса, как необходимость или ненужность «маневров».

Но с нашей стороны было бы большою ошибкою не воспользоваться этим случаем, чтобы объяснить и г. Жуковскому, а вместе с тем публике, почему отдел «элементарных изложений», как выражается автор разбираемого памфлета, или статей, имеющих в виду потребности текущей жизни, как выразились мы сами, не достигает в «Отеч. записках» желаемого разнообразия и полноты. Прежде всего, «Отеч. записки» журнал не специальный, а общеобразова-

тельный, следовательно, читатель ожидает от него не «элементарных изложений» (то-то насмеялся бы г. Жуковский, если б мы последовали его совету!), а ясно сформулированного взгляда на тот или другой вопрос. Увещания, делаемые г. Жуковским, на тему об элементарных упражнениях, – такой вздор, которому, конечно, он сам первый не верит; стало быть, вопрос заключается единственно в том, настолько ли умственно развита нынешняя редакция «Отеч. записок», чтобы иметь ясный и оригинальный взгляд на те или другие жизненные явления из указываемых г. Жуковским, например, на повинности, на железнодорожное дело, и ежели она в состоянии обладать таким взглядом, то почему недостаточно высказывает его? Что г. Жуковский отрицает возможность такого развития – это его право, данное ему неполучением хороших кондиций у Некрасова и уполномочивающее его валить в одну яму все, что ни попадется под руку. Но чтобы он внутренне был убежден, что устами его говорит истина, – это, по малой мере, невероятно. В самом деле, ежели вы сообразите, какими вопросами предлагает г. Жуковский заняться «Отеч. запискам», то вы убедитесь, что не нужно быть особенным мудрецом не только для того, чтобы написать на это темные «элементарные изложения», но и для того, чтобы высказать по поводу их совершенно ясные и самобытные суждения. Ведь не особенною же мудростью обладают гг. Катков, Трубников, Скарятин и т. п., а посмотрите, с какою легкостью они каждый день разрешают наме-

ченные вами вопросы. Да и не они одни – эти вопросы разрешаются любым столоначальником. Стало быть, если какой бы то ни было журнал касается этих вопросов с осторожностью, а иногда даже и совсем обходит их, то причина этого заключается не в недостатке ясного их понимания, а в чем-то другом.^[15] Вы с снисходительною любезностью упоминаете, г. Жуковский, о «легальных границах», в которых находится русская литература, и приглашаете вплотную наполнить их; но скажите откровенно, возьметесь ли вы со всею точностью определить эти границы, возьметесь ли указать, что входит в них плотно, что не доходит и болтается в них, как в халате, и что переливается за них через край? Нет, ничего подобного вы не сделаете, то есть не определите и не укажете. Если бы вы могли это сделать, то, без сомнения, сами, не говоря худого слова, пустились бы судить и рядить и напечатали бы по каждому вопросу тьму брошюр, которые, конечно, были бы полезнее скандальной книжицы, изданной вами в союзе с г. Антоновичем.

Затем, остальные обвинения в лжелиберализме основаны на том, что «Отеч. записки» не препираются с г. Краевским.^[16] Да, это действительно обвинения капитальные, но, несмотря на то что они направлены против нас такими знаменитыми незнакомцами, как гг. Антонович и Жуковский, мы все-таки заранее считаем себя оправданными в них перед судом публики. Мы очень хорошо понимаем, что полемика может представлять собою «маневр», но утверждаем,

что это маневр не всегда полезный, а нередко даже надоедающий, чему блестящим примером может послужить полемика г. Антоновича с гг. Благосветловым и Писаревым.^[17] Может быть, вы думаете, милостивые государи, что мы, например, и теперь увлечемся вашими ругательствами, что таким образом произойдет у нас непрерывный обмен мыслей, вы нас, мы вас, и вы будете под шумок сбывать да сбывать ваши книжицы... Но вы ошибетесь в расчете. Мы сознаем, что это, без сомнения, самый легкий способ прослыть в нашем отечестве публицистами, но в то же время не чувствуем ни охоты, ни надобности полемизировать по поводу неполучения вами хороших кондиций и обещаемся, что настоящая статья есть последняя, которую мы посвящаем вам, хотя бы вы и еще тысячу раз обозвали нас «шушерой», «шелухой» и т. п.

Итак, вот три обвинения, направленные против нынешней редакции «Отч. записок» двумя столбами русского либерализма, столь усердно подпиравшими г. Некрасова в редакции «Современника». Мы видели, что одно из них равняется площадному ругательству, другое – и фактически, и нравственно неверно, а третье написано на ребяческую тему о маневрах и элементарных упражнениях.

Сверх того, гг. Антонович и Жуковский с любовью и не раз возвращаются к мысли о распределении «благ», приносимых журнальным делом, причем последний, со свойственной ему догадливостью, исчисляет даже сумму (миллиард в тумане), которую, по его мнению, должен г. Некрасов сво-

им сотрудникам (разумеется, бывшим, то есть все-таки Антоновичу и Жуковскому, а не другим каким) за двадцать лет журнальной деятельности. Но на этом остроумном вычислении, к сожалению, все дело и оканчивается; в чем же должны заключаться те «новые основания», о которых, по-видимому, хлопочет г. Жуковский, — он благо разумно умалчивает, хотя и видно, что ему лично хотелось быть «хозяином» не только в редактировании журнала, но и в доходах его. Мы можем сказать по этому поводу, что и сами не прочь от «новых оснований» в журнальном деле, но, по нашему мнению, допущение г. Жуковского, одного или вместе с г. Антоновичем, к роли «хозяина» журнальных доходов все-таки немало не разрешает этого вопроса. Мы думаем, что, кроме этих знаменитых незнакомцев, есть еще «шушера» и «шелуха», которую тоже удовлетворить не лишнее. Мы очень хорошо понимаем, что вопрос о том, кто должен быть участником в журнальных прибылях, можно довольно легко разрешить, ответив на него: «вы да я», и что через это значительно устраняется дробность в расчетах, но подобное разрешение едва ли может соответствовать выгодам и видам «шушеры» и «шелухи». Нельзя полагать, чтобы «шушера» уже всегда являлась только «шушерой», напротив того, иногда она является довольно проницательной. А потому, едва ли не целесообразнее было бы, если б вы, вместо того чтоб беседовать с читателем о ваших личных огорчениях, представили ему проект, в котором бы привели основания: 1) как приоб-

щить не только вас с г. Антоновичем, но и «шушеру» и «шелуху» к тем «благам», о которых вы так умильно говорите; 2) какую принять норму для оценки писательского труда, то есть ценить ли все статьи одинаково, руководствуясь только объемом их, или же принимать в соображение и степень дельности и талантливости, с которыми они написаны; и 3) на кого возложить или как устранить тот риск, который сопряжен с изданием журнала, в том случае, если он не будет иметь успеха в публике? Вот если вы разрешите эти насущные в журнальной практике вопросы, то мы будем вам весьма благодарны.

В заключение повторяем: мы не имеем ни надобности, ни права заниматься личною распреею, возникшею между гг. Антоновичем и Жуковским с одной стороны и г. Некрасовым – с другой. Но считаем нелишним обратить внимание на те приемы, к которым прибегает знаменитый либерал г. Антонович для уязвления своих противников. Так, например, он рассказывает, что находил в доме у г. Некрасова какие-то визитные карточки,^[18] от которых ему становилось жутко. В другом месте он с удивительною развязностью повествует, какой разговор имели с ним когда-то гг. Елисеев и Слепцов.^[19] Нет спора: это действительно полемический прием, довольно близко подходящий к «маневру», но спрашивается: затем ли г. Некрасов пускал вас в свою квартиру, чтоб вы занимались разбором находящихся у него визитных карточек (хорошо еще, что не писем)? затем ли гг. Елисеев и

Слепцов разговаривали с вами, чтобы вы их поддавливали и предавали слова их тиснению?

Нет, не затем. Им, вероятно, и на мысль не приходило, чтобы вы, относительно их частных сношений и разговоров, предприняли систему домового обыска и даже устранили при этом понятых, которые могли обеспечить правильность и неприязнательность обыска. Во всяком благоустроенном обществе само собою предполагается, что публичный деятель в своих частных сношениях, в своих разговорах, то есть вообще у себя дома, – действительно настолько дома, что самая мысль о непрерывном домовом обыске устраняется, как нечто нелепое и дикое... хотя бы эти обыски предпринимались и с либеральными целями. Торквемадство,^[20] даже и либеральное, есть явление настолько противное человеческой природе, что общества цивилизованные все усилия свои прежде всего устремляют к тому, чтобы оградить себя от наплыва его, и только тогда считают себя достигшими действительной свободы, когда успевают в этом ограждении. Конечно, примеры подобного либерального торквемадства в истории нередки, но мы, по совести, не можем их одобрить. Так, например, известный либерал XVIII века Феофан Прокопович (см. сочинение г. Чистовича: «Феофан Прокопович и его время») таким образом формулировал допросные пункты^[21] некоему Аврамову, написавшему против него обличение: «В известном сем, от вас затеянном действии, с кем ты входил в общество и беседы о сем, а наипаче не со-

общал ли ты о сем особам знатным, и до кого из знатных лиц именно ты прихаживал и об сем имел разговоры, а как часто, и что советовали?» и т. д. и т. д. Нельзя не сознаться, что подобная манера относиться к пациенту довольно язвительна, но в то же время всякий, кто провел свою жизнь не на цепи и не в уединенном месте, согласится, что есть в ней и нечто в высшей степени уродливое.

Примечания

Условные сокращения

Изд. 1933–1941 – Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в 20-ти томах, М. – Л. 1933–1941.

ЛН – «Литературное наследство».

Неизвестные страницы – М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарии С. Борщевского, М. – Л. 1931.

Письма, 1924 – М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма. 1845–1889. Под ред. Н. В. Яковлева. Л. 1924.

ОЗ – «Отечественные записки».

С – «Современник».

ИРЛИ – Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Отдел рукописей.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства.

Z. f. sl. Ph. – «Zeitschrift für slavische Philologie». Hsg. von Dr. Max Vasmer. B. IV, Doppelheft 1–2. Leipzig, 1927.

Материалы для характеристики современной русской литературы.

ОЗ, 1869, № 4, отд. «Новые книги», стр. 273–283 (вып. в свет – 11 апреля). Без подписи. Авторство, без аргументации, указано Н. К. Михайловским (предисловие к первому тому сочинений Г. З. Елисеева, сожженному цензурой). Подтверждено В. Е. Евгеньевым-Максимовым на основании писем Салтыкова к Некрасову, от 18 апреля и 22 мая 1869 г. («Печать и революция», 1927, № 4, стр. 57 и 58).

Когда в 1868 г. Некрасов, Салтыков и другие бывшие сотрудники «Современника» взяли в свои руки, при формальном сохранении редакции Краевского, издание «Отечественных записок», не вся руководящая группа «Современника», в силу различных причин, могла быть привлечена к участию в преобразованном журнале. За бортом его оказались М. А. Антонович, Ю. Г. Жуковский, А. Н. Пыпин. Цензурное ведомство решительно возражало против сотрудничества Антоновича и Жуковского в «Отечественных записках», завышенно оценивая степень их революционности. Неприемлемым для редакции оказалось и требование Жуковского стать «хозяином самого журнала наравне с г. Некрасовым» (об этом писал Жуковский в «Материалах для характеристики современной русской литературы», СПб. 1869, стр. 194). Сказались, видимо, и идейные проти-

воречия, которые начали намечаться между группой Антоновича – Жуковского и Салтыковым еще в «Современнике»³.

В томе I журнала «Современное обозрение» (1868, февраль) было опубликовано «Письмо гг. Ю. Жуковского и А. Пыпина», в котором авторы, в сущности, отмежевывались от «Отечественных записок», заявляя, что их письмо «имеет еще в виду предупреждение различных слухов касательно их отношений к другим журналам» (стр. 106). С начала 1869 г. Антонович и Жуковский выступают с планомерными нападениями на «Отечественные записки» со страниц журнала «Космос» (1-е полугодие, № 4, «Литературное лицемерие «Отечественных записок». Вопрос, представляемый на разрешение легкой литературы»; № 8, «Журнально-научное обозрение»; 2-е полугодие, № 1, «По поводу письма Белинского, напечатанного в «С.-Петербургских ведомостях»; приложение к № 1, «Новые материалы для биографии и характеристики Белинского»). В марте того же года появилась их брошюра-памфлет «Материалы для характеристики современной русской литературы. I. Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым М. А. Антоновича. II. Post-scriptum – Содержание и программа «Отечественных записок» за прошлый год. Ю. Г. Жуковского», полная пасквильных выпадов про-

---

³ О причинах и сущности конфликта редакции «Отечественных записок» с Антоновичем и Жуковским см. статью Б. Папковского и С. Макашина «Некрасов и литературная политика самодержавия» (*ЛН*, № 49–50), книгу М. В. Теплинского «Отечественные записки», Южно-Сахалинск, 1966, стр. 52–63

тив Некрасова, Елисеева, Слепцова. Салтыков прямо в ней не назывался, но весьма прозрачные намеки на него встречались в брошюре многократно. Упоминалась «разная шушера и шелуха из «Современника», готовая лететь туда, куда подует ветер» (стр. 54). В этой общей формуле Салтыкову «предоставлялось узнать себя» (Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута, т. I, СПб. 1900, стр. 73–74). Говорилось о «литературе на обеде», к этой литературе причислялись «Отечественные записки», их сотрудники (стр. 39, 53). Утверждалось, что «Отечественные записки», не зная о чем писать, прибегают к издевкам над Скарятиным (стр. 78), «вашим конем остается один изъезженный Скарятин с братиею» (стр. 80). Перечисляя материалы, которые делали невозможным его участие в «Отечественных записках», Жуковский называл статью о «скандалах»⁴, говорил, что не мог принять на себя ответственность «за теорию скандалов» (стр. 130, 196). Приводились слова Салтыкова из январской хроники «Нашей общественной жизни» (1864): «все там будем» (см. т. 6 наст. изд., стр. 234). По утверждению Антоновича, «сбылось оное знаменитое пророчество», «там», то есть в лагере реакции, среди единомышленников Краевского, оказались сотрудники «Отечественных записок» (стр. 55, 70, 79). Намекая на мартовскую хронику «Нашей общественной жизни» (1863), в которой под названием «Куриное эхо» высмеивалась газе-

---

⁴ То есть статью «Литература на обеде»

та Краевского «Голос» (см. т. 6 наст. изд., стр. 41), Антонович замечал: прежде сотрудники нынешних «Отечественных записок» «очень любили писать статейки о «Курином эхе». Позвольте же вас спросить, почему вы теперь ничего не пишете об этом интересном сюжете?» (стр. 77). Салтыкову и другим сотрудникам «Отечественных записок» переадресовывается уподобление снегирям, сделанное сатириком в «Нашей общественной жизни», в полемике с «Русским словом» (см. т. 6 наст. изд., стр. 336). По словам Жуковского, есть литераторы-обличители, каждый из которых, «как истый снегирь, подхватил себе какую-нибудь нотку и пошел на всю жизнь развивать ее по-своему на все литературные лады» (стр. 147). В брошюре с иронией замечалось, что надворные, действительные статские и прочие советники могут быть отличными обличителями и отрицателями (стр. 90). Адресат таких нападков, Салтыков, угадывался без всякого труда. Не исключено, что разрешение «Материалов» цензурой скрывало провокационный замысел раскола демократической журналистики (см. *ЛН*, т. 49–50, стр. 450–452).

Статья Салтыкова – вынужденное объяснение редакции «Отечественных записок» с авторами «Материалов», отпор инсинуациям Антоновича и Жуковского. В том же номере журнала печатает свой «Ответ на критику» Елисеев.

Возмущение Салтыкова «Материалами» отразилось в его письмах к Некрасову от 18 апреля и 22 мая 1869 г. О том, что Салтыков «рвал и метал», читая «Материалы», пишет и

Михайловский («Литературные воспоминания и современная смута», т. I, СПб. 1900, стр. 74). О «Материалах» см. воспоминания Антоновича и Елисеева (сб. «Шестидесятые годы», М. – Л. 1933), брошюру Ив. Рождественского «Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского», СПб 1869, статью «Искры» «Господа, потише!» (1869, № 11), фельетон Д. Минаева «С Невского берега» («Дело», 1869, № 4).

Комментарии

1.

После довольно продолжительного молчания... – Последняя статья Антоновича в «Современнике» была опубликована в № 11–12 за 1865 г., Жуковского – в № 3 за 1866 г.

2.

...горькое воспоминание о некоторых яичных неудачах и разочарованиях... – Подразумевается стремление Жуковского стать, наряду с Некрасовым, хозяином «Отечественных записок» (см. выше).

3.

...выместить эти неудачи и разочарования даже не на тех, кто был главной и действительной их причиной... – Видимо, намек на вмешательство властей, потребовавших устранения Антоновича и Жуковского (см. ЛН, т. 49–50, стр. 450).

4.

Первый из них целых три года, последний в продолжение пяти месяцев... – Антонович был членом редакции «Современника» с января 1863 по декабрь 1865 г. Жуковский близок редакционным делам с сентября 1865 по март 1866 г.

5.

Боа-констрикторы – удавы, «очаровывающие» взглядом свои жертвы.

6.

Стоило г. Некрасову произнести «страстную речь», сказать <...> несколько искренних слов о литературных и не литературных звонарях... – Антонович в «Материалах» писал, что, соглашаясь на сотрудничество в «Современнике», он потребовал от Некрасова объяснения тех неблагоприятных слухов, которые о нем распространялись. «Страстная речь» Некрасова, опровергавшего эти слухи, убедила Антоновича («Материалы», стр. 28). В качестве примера мнимолиберальных фраз, которые должны ввести в заблуждение общественное мнение, Антонович приводил отрывок из «Внутреннего обозрения» Елисеева («Современник», 1861, № 2, стр. 346–347), где говорилось об уважении к добросовестным убеждениям, о ненависти к литературным и не литературным звонарям («Материалы», стр. 48). К таким «звонарям» Антонович «относит» самих Некрасова и Елисеева.

7.

...г. Благосветлов имеет обыкновение спать в лакейских на барских шубах. – В полемике с «Русским словом»

Антонович упрекал Благосветлова в том, что тот «некогда в графской передней почивали, вместо лавров, на связке парадных гербовых ливрей» («Глуповцы в «Русском слове», – С, 1865, № 2, стр. 371). Этот же упрек повторяется в статьях «Барские лакеи в «Русском слове» (там же, № 3, стр. 204) и «К читателям» (там же, № 5, стр. 106). Об «остроумном выражении» Салтыкова, высмеявшего Антоновича, который сделал центром полемики вопрос о «барских шубах», писал в своих воспоминаниях Елисеев (см. сб. «Шестидесятые годы», стр. 284).

8.

...представьте себе, читатель, что вы русский литератор... – Грустные размышления о трудном пути русского литератора имеют автобиографический характер. К ним писатель возвращается неоднократно («Имярек», «Круглый год», «Приключение с Крамольниковым» и др.).

9.

«Платоны» и «славные разумом Невтоны» – из оды Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны». У Ломоносова: «быстрых разумом Невтонов». Последних Салтыков упоминает и в цикле «За рубежом», с грустью говоря о судьбах просвещения в царской России (сцена «Граф и репортер»).

10.

...это закон 6 апреля 1865 года – то есть новый цензурный устав, отменивший для ряда изданий на определенных условиях предварительную цензуру (см. стр. 493). Слова Салтыкова о том, что этот закон – «единственное ограничение», можно толковать двояко: 1) редакция «Отечественных записок» будет ориентироваться лишь на закон, а не на желания Краевского, 2) закон, а не Краевский, ограничивает редакцию, мешает ей высказать свою точку зрения. Второе толкование перекликается со статьями Салтыкова «Несколько слов по поводу «Заметки», «Насущные потребности литературы» и др.

11.

...как видно из его признаний, имел даже переговоры об участии в нашем журнале... – См. об этом «Материалы», стр. 126–131. См. также письма Некрасова Жуковскому, Пыпину, Краевскому (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. XI, М. 1952, стр. 89, 91, 105, 106).

12.

...будто бы он пробовал средство заставить вас замолчать или не пустить в литературу... – Антонович намекал, что Некрасов, стараясь выгородить себя, обвинял перед лицом властей своих сотрудников в «неблагонадежности», в том, что они ответственны за «крамольное» направление

«Современника». По словам Антоновича, слухи об этом дошли до него из «нелитературной среды», но «имеющей влияние на литературу» («Материалы», стр. 13). Возможно, власти нарочно распускали подобные слухи, стремясь расколоть демократический лагерь.

13.

Первый из этих «маневров» заключается в том... – Говоря о различных «маневрах», при помощи которых можно обойти цензурные препятствия, Антонович замечал, что следует вести речь не об определенных идеях, а о личностях, их олицетворяющих, например о Каткове и Леонтьеве. Он намекал, что теперь к этой паре реакционных журналистов прибавилась другая пара (Краевский – Некрасов). Салтыков, возражая Антоновичу, сопоставляет с московской парой (Катков – Леонтьев) «петербургскую пару» (Антонович – Жуковский).

14.

...г. Жуковский вдруг из упорных маневристов делается поборником «элементарных изложений»... – Жуковский утверждал в «Материалах», что «одно представление фактических статей <...> одно элементарное представление сведений» полезнее всех либеральных обличений (стр. 153–154). Салтыков готов видеть в этих формулировках лишь «неловкий полемический прием». На самом деле

утверждения Жуковского, что «разъяснение всех <...> вопросов <...> вполне доступно для либеральной литературы», что возможна плодотворная деятельность в рамках дозволенных границ, внимание к проблеме «накопления», а не «перераспределения» богатств (см. журнал «Современное обозрение», 1868, т. I, стр. 4, объявление об издании), являлись свидетельством отказа Жуковского от прежнего радикализма. Дальнейшая судьба Жуковского, служба управляющим Государственным банком – закономерное завершение эволюции его взглядов.

15.

...причина этого... в чем-то другом... – намек на цензурные препятствия.

16.

...«Отечественные записки» не препираются с г. Краевским. – Под давлением Краевского в договор о передаче журнала Некрасову был внесен пункт, исключающий полемику с «Голосом» (ЛН, т. 53–54, М. 1949, стр. 341). Такое соглашение отчасти оправдывалось и цензурными соображениями, иначе было бы сразу ясно, что Краевский остался лишь номинальным редактором «Отечественных записок». Антонович, задевая лично Салтыкова, вспоминая о «Курином эхе», намекал, что прекращение полемики с «Голосом» – свидетельство

потери прежними сотрудниками «Современника» их самостоятельности, полного подчинения Краевскому.

17.

...это маневр не всегда полезный... чему блестящим примером может послужить полемика г. Антоновича с гг. Благодетелем и Писаревым. – Разбирая «Материалы», Салтыков несколько раз отрицательно высказывается о полемике Антоновича с «Русским словом», критикует методы спора, в котором приходилось «есть друг друга и самих себя» (стр. 330 наст. изд.). Такое отношение к полемике вызвано, в частности, сближением Писарева с «Отечественными записками», пересмотром вопроса о значении его наследия (см. статью А. М. Скабичевского «Дмитрий Иванович Писарев» – ОЗ, 1869, № 3).

18.

...какие-то визитные карточки... – Антонович говорил о дружбе Некрасова с «так называемой высшей» сферой, о визитных карточках на его столе от особ, известных своей враждой к прогрессивной литературе («Материалы», стр. 31).

19.

...какой разговор имели с ним когда-то гг. Елисеев и Слепцов. – Чтобы поссорить сотрудников «Отечественных

записок», Антонович сообщал, что Слепцов некогда подбивал сотрудников «Современника» на бунт против Некрасова, а Елисеев зло высмеивал жалобы Некрасова на финансовые трудности («Материалы», стр. 32–34).

20.

Торквемадство – оправдание всякой подлости, ренегатства, от имени Томаса Торквемады, «великого инквизитора» Испании, считавшего дозволенными любые средства для искоренения «ереси».

21.

...таким образом формулировал допросные пункты... – Салтыков с некоторыми сокращениями цитирует вопросы, заданные во время так называемого «Иверского следствия» Феофаном Прокоповичем Михаилу Аврамову (см. И. Чистович, Феофан Прокопович и его время, СПб. 1868, стр. 452–453).